

Там, где всегда хорошо

Утро в ежином семействе выдалось суматошное: мамочка затеяла генеральную уборку.

— М-да, — обречённо сказал папа Белобрюх, — мамочкина уборка хуже снежной бури. Как налетит! Потом не найдёшь ничего.

За это он был сослан на чердак, чинить старую прялку. Старшие дети трудились внизу: Люк, пыхтя, скоблил половицы жёсткой щёткой, Марита мыла высокие окна. Мамочка, повязав голову косынкой, отчаянно скребла на кухне казаны и кастрюли.

А Оскара отправили за черникой для пудинга. Идти надо было аж на Фиолетовую топь,

но он не возражал. Во-первых, всё лучше, чем дома тряпкой махать. А во-вторых, Фиолетовая топь потому так и называется, что вся она, куда ни глянь, заросла мелкими болотными фиалками, которые Аника обожает.

На обратном пути, выходя из Столетней пущи, Оскар встретил Яна по прозвищу Длинный. Ян — туповатый лис-второгодник — был всегда какой-то квёлый, как будто проснуться забыл (поговаривали, что он кошачьей мятой балуется), и пахло от него мухоморами. Всё у него

было тощее и длинное: и хвост, и лапы, и томно-улыбчивая морда.

— Хей, брат! — лениво взмахнул лапой Ян. — Вижу, чернику тащишь, небось, на Фиолетовую топь ходил? Дело хорошее. А это чего, цветочки? Ну-ну! — Лис растянул пасть в понимающей ухмылке. — Только Аника твоя со старшим Полоскуном на ручей ушла, сам видел, как в овраг спускались, так что ей сейчас, мыслю, не до цветочков.

Оскар посмотрел в корзину, на подвяжший букетик фиалок, уложенный поверх синих ягод: Аника... как же так... Неужели правда?

Поднял глаза на Яна, смерил тощую фигуру насмешливым взглядом:

— Вот скажи мне, Длинный, как это получается: ты такой уже длинный, а всё дурак дураком? Цветочки эти — Виола Палюстрис! Могучая вещь, улучшает... эм-м-м... мозговую деятельность. Вроде кошачьей мяты, только наоборот. Прям чудеса творит! Отделяешь лепестки, настаиваешь сутки на берёзовом соке. Перед экзаменом — самое то!

Тусклые глазки Яна приоткрылись.

— Правда, что ли?

— А то. На вот, держи, а то опять на второй год останешься. То есть на третий. И не благодари, не надо. — Оскар вынул из корзинки бесполезный букет, вложил его в корявую лапу Длинного и, не оглядываясь, зашагал к дому.

— ...Угу, с этим переростком! Он же двух слов связать не может! — Оскар говорил, набив рот кошачими сухариками, поэтому у него получалось «фяфать не фофет».

Тиса лежала на террасе, подвернув передние лапки, — уютно, как только кошки умеют. Сочувственно кивала. Рядом, прямо на столе, растянулся хромоногий рыжий Патрик. Блаженно свесил хвост: переваривал Тисино угождение.

Оскар с ним познакомился пару лет назад на опушке, где калина растёт. После Совиной войны котам из деревни ходу не было. Да они особо никуда и не рвались: сидели себе по домам, толстели исправно. Один Патрик шатался то тут, то там, всё его к лесу тянуло, к вольной жизни. Так и встретились. С тех пор Оскар частенько заходил в деревню — пожевать кошачьей еды да поболтать про всякое. Мамочка это категорически не одобряла («Котам веры нет, и еда их — дрянь!»), но Оскар был уже не в том возрасте, когда мамино мнение кажется единствено верным.

— Енот, говоришь? — Патрик зыркнул на Оскара зелёным бандитским глазом. — Ну, так ты ж тоже не кунец, Оскар. То есть не куница. И вообще, слыхал поговорку: что позволено еноту, не позволено ежу! — Кот сипло хохотнул. — С девчонками, парень, построже надо, чтобы знали, кто главный. Ну и слово всегда держать: кошак сказал — кошак сде... ай! — Патрик приподнялся и яростно заскрёб лапой за ухом.

— Не слушай его. — Тиса заботливо пододвинула Оскару мисочку с молоком. — Попробуй её вкусным угостить!

Она поднялась, пошла в дом. Вернулась, протянула пакет с сухариками:

— Вот, со вкусом лосося. Отнеси девушке! Еноту вашему такого не достать.

— Сфафибо! — благодарно закивал Оскар, не переставая жевать.

«Кошак сказал — кошак сделал!» — повторял Оскар, поднимаясь по тропинке к Куничьей слободке. Ему повезло: дверь открыла сама Аника. Аж сердце подпрыгнуло — до чего же она красавая: гибкая шея с белым «воротничком», глазки — терновые ягоды... И в них отражается он: неловкий, маленький, толстый. Оскар нахмурился, схватил Анику за лапу, молча потащил за собой через сад, к скамейке, скрытой зарослями жасмина. Силой усадил, плюхнулся рядом. Аника хмыкнула, посмотрела лукаво:

— Это как понимать? Здороваться уже не модно?

Тёмная шёрстка её блестела на солнце, насмешливо морщился нос. Смотреть на это не было никакой возможности, и Оскар отвёл глаза.

— Привет, — прохрипел он, обращаясь к кусту жасмина. — Я это... насчёт домашки по лесоведению.

— М-м-м? А что с ней?

— Не знаешь, что задали? Я не записал.

— Знаю. Выучить ядовитые кустарники.

— Ага. Спасибо. А это тебе. С лососем! — Оскар протянул Анике пакетик с кошачьей едой. — А хочешь, вечером в деревню сходим? Там Тиса живёт, подружка моя, у неё таких полно, с разным вкусом!

— Подружка, говоришь?

— Да, то есть нет, ну, не в этом смысле...

Аника усмехнулась, брезгливо отодвинула лапой пакет:

— Я, Оскар, такое не ем. И тебе не советую. Тут же углеводы одни. И жир. Пользы никакой, пузо только растёт. — Аника выразительно глянула на его живот, и Оскар почувствовал, как от стыда по ушам побежали мурashki.

— А у Полоскуна, значит, с пузом всё нормально? Судя по оврагу!

— Ну, Полоскун, между прочим, полосу препятствий за двенадцать минут проходит, и по плаванию первый в классе. А ты из-за живота в клубок не можешь свернуться, сама на ВВЛ видела.

Оскар вздохнул: это выживание в лесу у него уже вот где сидело. Иногда даже ночью просыпался от страшной мысли: завтра! Снова лезть через колючки, плыть через болото, и он, Оскар, всегда последний. И все ржут, а Тим-препод смотрит на него, как на сопливый гриб: с брезгливым интересом. Кому вообще это выживание нужно? В наш цивилизованный век? Но если для неё это так важно...

— Слушай, — Оскар вскочил со скамейки, решительно посмотрел Анике в глаза, — нормативы сдаём через две не-

дели, так? Вот там и посмотрим, кто первый и у кого живот! Я докажу, ты увидишь... Ежак сказал — ежак сделал!

Аника засмеялась, протянула лапу, потрепала его за ухо, как малыша:

— Ладно, договорились! Две недели, время пошло.

Каждый день, с утра пораньше, Оскар шёл в Колячую чащу. Полоса препятствий лежала перед ним: многорукие коряги, глубокие ямы, быстрый ручей с ледяной водой, заросли терновника, озерца жидкой грязи... Ещё ни разу не удалось ему пройти полосу до конца: ветки коряг царапали толстый живот, слабые лапки бестолково месили болотную жижу.

Выбравшись на твёрдую почву, Оскар падал, переворачивался на спину, смотрел, как бегут по небу облака: им-то хорошо, ветерок подует — и лети, и никакой тебе полосы препятствий! Вечерами ходил в деревню, утешался Тициным угощением, слушал рассказы Патрика, вздыхал: вторая неделя подходила к концу, а живот никак не хотел уменьшаться.

В то утро, с боем прорвавшись сквозь колючие заросли, Оскар без сил лежал на берегу ручья, чуть не плача от жалости к себе и от ненависти к этому рыхлому, ни на что не годному тельцу.

— Хей, братик, мир тебе! — Морда Яна заслонила солнце. — Гляжу, как ты каждый день убиваешься, — глазам больно!

— Знаешь, Длинный, — Оскар с трудом сел, принял выковыривать из лапы занозу, — шёл бы ты куда шёл, и без тебя тошно.

— Ну, как скажешь, брат. Только есть способ тебе помочь.

— Какой ещё способ?

— Про Чёрную Беату слыхал?

Чёрная Беата, старая барсучиха, жила на Кривом озере, и слава у неё была нехорошая. Поговаривали, что за свои

колдовские услуги она берёт непомерную плату: чуть ли не душу забирает. Мама Чёрной Беатой Оскара в детстве пугала, когда он засыпать не хотел.

— Ты ж Стану, сеструлю мою, видал? — продолжал Ян, размахивая длинными лапами. — Красотка, будто нарисованная, да-нет? А родилась, секи, с «беличьей губой»! Ни один лекарь не мог помочь, родаки все глаза выплакали, а потом отнесли к Беате — и стала нормальная пасть! Сестра и не помнит ничего, мелкая была. В общем, Беата меня знает, могу тебя к ней свести, по дружбе.

Оскар поднялся, отодрал с плеча сухой репей. Пожалуй, это единственный выход. А ради Аники и души не жалко. Кивнул Длинному:

— Ладно, веди!

Дом Чёрной Беаты стоял на высоком озёрном берегу, под мёртвым дубом: сухие ветки застыли, как руки, протянутые к небу в мольбе о помощи — или о пощаде.

Ян стукнул в дверь, вошёл, не дожидаясь ответа. Оскар шагнул за ним, увидел просторную, неожиданно светлую комнату: все стены увешаны полками, на полках — горят, играют в солнечных лучах цветные бутыли, банки, баночки... Пахло почему-то костром, поджаренным хлебом, вечерней росой. Беата тёмной тушей высились над столом, переливала лазурную жидкость из большой бутылки в пузырьки поменьше.

Ян шумно втянул носом воздух, стекло звякнуло о стекло, по столу растеклась лужица. Беатарыкнула:

— Чтоб тебя! Кого там филин несёт?

Повернулась, вытерла лапы о несвежий передник.

— А, это ты, лисенёнок!

— Я, я, тётечка! — залебезил Ян, приседая и кланяясь. — Вот, смотри, кого я тебе привёл!

Беата подошла — от тяжёлых шагов заныли половицы. Оскар задрал голову: до чего огромная! Упёрла лапы в крутые бока, глянула — будто проткнула насквозь:

— Надо же, к Беате обед сам пожаловал! Люблю таких толстеньких, да с подливочкой! — Барсучиха ткнула Оскара в живот, довольно захекала, когда тот вздыбил иголки. — Шучу, шучу. Дай-ка гляну... Ну, понятно: лапки то-онкие, пузик кру-угленький! А красули жирных не жалуют. Горю твоему помочь несложно, тюфячок. Завтра будешь ладный да сильный, как Полоскун твой, даже лучше.

— А что взамен? — с опаской спросил Оскар.

— Да ерунда, ежоныш: просто отдашь мне лучшие воспоминания.

— Всего-то? — У Оскара иголки опустились от облегчения. Кому они нужны вообще, эти воспоминания, какой от них прок?! — Отлично, я согласен! Что надо делать?

— Делать? — Беата снова захекала. — Делать тебе, ёж, ничего не придётся. Садись вот на лавку.

Кряхтя, она притащила пустую бутыль, водрузила на стол. Потом повернулась к Оскару и легонько хлопнула его по лбу.

Бабушка Гута: тёплые лапы, запах цветов и сухой травы, тягучие, как мёд, песни Ясного леса, горка каши в озере молока.

— Ба, я кашу не хочу-у-у, — канючит Оскар.

— Да разве ж это каша, Каштанчик, это остров в океане, там живёт чудный зверь дикобрат, родня наша дальняя. Ростом он эдак с бобра, а иглы у него во-о-от такие, нашим не чeta. Подкрадётся к нему лягуар — дикобрат в него иголкой стрельнёт, да так метко, прямо в нос, — не подступишься. Кушай, милый, кушай, тощих в рай не пускают.

— Ба, а чего это — рай?

— Рай, Каштанчик, — это где тебе всегда хорошо.

«Ясно, — соображает Оскар, скребя ложкой по дну плошки-океана, — рай — это дома у бабушки Уты».

Он зовёт её «бабушка Ута», она и правда на утку похожа: степенная, приземистая, ходит по дому вперевалку. А она зовёт его Каштанчиком. Видал Оскар каштаны: круглые, глянцевые, гладкие, как леденцы, так и хочется в рот засунуть, но мамочка не даёт, ругается. «Это они потом уже гладкие да блестящие, а поначалу — зелёные и колючие, точно как ты». — Гута смеётся, гладит Оскара по мягким ещё иголкам, целует в громко сопящий нос.

У бабушки можно спать сколько хочется, постель застилать не надо, а на полдник всегда брусничный квас и мелкие, с ежиной ухо, пирожки с дикой вишней — так и тают во рту, не заметишь, как миска опустеет. «Кушай, милый, кушай».

А ещё у бабушки целый шкаф с самодельными муко-сольками: стоят в ряд цветные фигурки из солёного теста, тут и грозный зверь дикобрат, и круглый речной ёж, и он,

Оскар-Каштанчик. А ещё — маленькие такие домики с разноцветными крышами, и у каждого внутри свечка. Если её зажечь — домик оживёт, замерцает в окнах ласковый тёплый свет, и покажется, что там, внутри, так уютно, так хорошо... Рай там, почти как у бабушки Уты.

Гута учит Оскара делать мукосольки: вода, мука, соль, немного масла из зелёной пузатой бутылки. Вымесить, потом разделить на части, добавить краски: амаранскую зелень, рубин, синеву. Вылепить, высушить на печи. Оскар пыхтит, давит лапами непослушное тесто, весь в муке — и лоб, и нос, и иголки.

— Ба, а ты всегда в Ясном лесу жила?

— Всегда, милый.

— Одна?

— Ну почему одна, с дедушкой твоим.

— Каким дедушкой?

— С Эриком, мужем моим, — смеётся.

— Это когда было?

— Давно, до тебя ещё.

— Ба, а где он теперь?

Бабушка вздыхает, вытирает полотенцем перепачканную Оскарову мордочку.

— Зимы, Каштанчик, раньше были суровые, не то что сейчас. Все ежи на зиму в спячку впадали. В перину зароешься — и сопиши до тепла. Только обязательно надо осенью жирок нагулять. А дедушка твой непоседа был, прямо как ты. И худой, как уж. Так однажды весной и не проснулся.

— Как, совсем никогда?

— Никогда, Каштанчик.

— А где ж он теперь?

— На Поляне непроснувшихся ежей. Тут, недалеко.

Оскар катает в лапках упругое тесто, лепит тонкую фигурку: это дедушка Эрик. Ничего, дедушка, мы тебя поселим в самый красивый мукосольный домик, тот, что с крас-

ной крышей и жёлтыми стенами. Там свечка, там рай, там всегда тепло.

Оскар пришёл в себя: голова кружилась, лапы были слабыми, как после болезни. Открыл глаза — Беата любовно оглаживала бутыль, полную медовой жидкости, довольно принюхивалась:

— Чую, чую: продукт — первый сорт! Оставим для особого случая. — Она влезла на деревянный чурбачок, осторожно задвинула бутыль на верхнюю полку. — А вы идите давайте, нечего тут... Всё будет, как сказала. А теперь — брысь: тёте Беате пора подкрепиться!

Когда на ВВЛ сдавали нормативы, он прошёл полосу препятствий первым. На две минуты быстрее, чем Полоскун. Тим глазам не мог поверить, всё щипал себя за лапу да стучал по стеклу секундомера, и выражение его заячьей морды было восторженно-изумлённое.

Оскар умывался у ручья, когда она подошла. Глянула на своё отражение, пригладила взъерошенный мех.

— А ты молодец, Оскар. Не ожидала. Там все только про тебя и говорят.

Оскар выпрямился, посмотрел на Анику. Надо же, оказывается, лапы у неё короткие и толстые, а хвост, наоборот, тощий. Не замечал.

— Сегодня матч по водному поло, — она подошла почти вплотную, — наши «Выдры» с «Бобрами» с Кривого озера играют. Может, сходим? Люблю смотреть, как другие плавают. Сама-то не умею.

— Нравятся спортивные ребята?

Оскар встрихнулся, окатив её фонтаном брызг. Глянул, как потешно стекают капли по ошалевшей морде, улыбнулся:

— Конечно, сходим.

В последнее время мамочка на Оскара не могла нарадоваться: в деревню больше не ходил, с котами не якшался. Охотно кушал лягушачьи лапы и яйца козодоя, а потом шёл в сад бросать да крутить свои тяжеленные гири из железного дерева. Лапы у него окрепли, лишний жирок исчез, и весь он как-то подтянулся и постройнел, словно по волшебству. Люк подходил к брату, тыкал пальцем в твёрдый живот, уважительно хмыкал. Марита таскала любовные записки от подружек. «Растёт, — умильно вздыхала мамочка, — растёт мой мальчик, от девочек отбоя нет. Вон Аника какая милая была, и Моника не хуже, а нынешняя, Стана, — и вовсе красавица».

— Сынок, ты сегодня не поздно будешь?

— Не знаю, как пойдёт. — Оскар мазнул мамочку равнодушным взглядом и вышел в сад. Голова болела, как всегда после этих снов: темно, он, Оскар, один в поле, метель швыряет горстями снег в морду, бьёт наотмашь злыми лапами. А сквозь метель — то ли стон, то ли вздох:

— О-о-оска-а-ар... О-о-оска-а-ар...

В такие дни даже гири не помогали. Оскар заходил за Станой и Яном, и они шли на весь день в Столетнюю пущу — жевать кошачью мяту, жечь костёр, смотреть на облака. Там боль отпускала, сны забывались, накрывало блаженное отупение. Стана тихонько сидела рядом, молчала, смотрела, как ветки качаются в вышине от неслышного внизу ветра, как солнце опускается на острые пики деревьев. Ничего не просила, ни о чём не спрашивала. Как будто всё понимала. Не то что все эти Аники-Моники.

— Стан, а у тебя бывает, что одно и то же снится? — Оскар пошевелил веткой в костре, и маленькие сердитые искры ринулись в вечернее небо. Ян опасливо отодвинулся, поджал облезлый хвост.

Стана улыбнулась:

— Нет, Оскар, не бывает. У меня вообще снов не бывает. Я даже не знаю, на что они похожи. Ян вот говорит, что это к лучшему.

— Не то слово, сеструля! — закивал Длинный. — Бывает, такая муть привидится, спиши и думаешь — скорей бы утро! А потом целый день мятный ходишь, как сурок после спячки. А тебе что снится, брат?

— Не помню. — Оскар отложил ветку, зябко повёл плечами. — Кажется, в последнее время мне снится зима.

— О-о-оска-а-ар... О-о-оска-а-ар... — В этот раз голос звучал ближе.

Оскар сделал пару шагов, закрываясь лапой от снежной крошки. Перед ним вдруг выросла заметённая снегом фигура — не то коряга, не то зверь.

— Каштанчик... — Ветер уносил слова, заглушал сердитым воем. — Так скучा... Больше прийти не смогу... Ты же главное... Потеря...

Вьюга хлестнула по глазам, злобно толкнула в грудь, Оскар оступился, сделал шаг назад, ища опору, — и проснулся.

В тот день в поисках кошачьей мяты они забрели в Ясный лес. Огромные ясени сдвинули кроны, дробя на блики солнечные лучи. Что-то было знакомое в этом пятнистом узоре, в сладком запахе здешних трав, в голосах невидимых птиц.

Лес неожиданно расступился, выпуская их на поляну, сплошь заросшую белыми колокольчиками. Стана качнула лапой нарядную гроздь.

— Гус-тав... Гус-тав... — отзвались колокольцы.

— Ох, это же Поляна памяти, — выдохнула Стана. — Пойдём отсюда, не будем тревожить тех, кто тут лежит.

— Эй, брат, и правда, пошли, сеструля дело говорит! — затряс головой Ян.

Но Оскар как зачарованный шагал вперёд и всё трогал лапой пружинные стебли:

Содержание

Там, где всегда хорошо	3
Маленькая дверца	19
Южный Перст	33
Простые формы	55
Дочь генерала Фламма	64
Ночь блуждающих деревьев	73
Гекалекова пещера	104

